

Автореферат диссертации на соискание
ученой степени PhD

HEGEDŰS IVÁN

Изменения нормы церковнославянского языка великорусского извода во
второй половине XVII века

Szeged
2007

A szerző kiadása

Издание автора

© Hegedűs Iván

Диссертация посвящена изучению великорусской нормы церковнославянского языка второй половины XVII века. Материалом для работы послужили корректурные, по терминологии того времени «кавычные» экземпляры богослужебных книг.

Трудно переоценить роль церковнославянского языка в истории русского литературного языка всех эпох. Его изучению посвящено огромное количество работ, можно сказать чуть ли не с самого момента его возникновения: достаточно вспомнить хотя бы всем хорошо известный трактат «О писменех» Черноризца Храбра.

В последнее время исследователи все чаще обращаются к церковнославянским текстам для того, чтобы уточнить роль церковнославянского языка в образовании русского литературного языка нового типа. В первую очередь здесь имеются в виду различные традиции гибридных текстов, механизмы порождения которых отражаются и на языке нового «простого» языка XVII и XVIII вв. Однако стандартный церковнославянский язык, в том виде, как он воплотился в текстах второй половины XVII века, имеет большое значение и в современной Русской Православной Церкви, которая использует на богослужениях именно этот вариант.

Таким образом весьма актуальным становится более глубокое осмысление церковнославянского языка как самостоятельной системы. С одной стороны, как нам кажется, необходимо проследить историческое изменение нормы – важнейшие направления этого намечены в работах Б. А. Успенского, В. М. Живова и др. С другой стороны, как нам кажется, не менее интересно было бы провести анализ развития в разные эпохи текста и языка каждой богослужебной книги в отдельности, а также и в сравнении с другими книгами. Такое исследование, под иным углом перспективы, могло бы стать основой для составления исторического комментария к современным богослужебным книгам Русской Православной Церкви и других поместных церквей, испытавших на себе влияние русских изданий. Как известно, в тексте церковных книг как в историческом продукте сосуществуют явления, восходящие к разным эпохам, и задачей филолога является указать на эти компоненты, подобно археологу, снимая все более глубокие культурные слои, в идеальном случае доходя до кирилло-мефодиевского пратекста.

Возрождение Русской Православной Церкви в конце XX. столетия ставит задачу по-новому взглянуть на раскол, происшедший в значительной мере как реакция на новые богослужебные книги, появившиеся в результате никоновской и послениконовской sprawy. В этом мы лишь продолжим процесс, начатый в конце XIX начале XX столетия, благодаря работам таких исследователей как ГОЛУБИНСКИЙ, МАНСВЕТОВ, НИКОЛЬСКИЙ, БЕЛОКУРОВ, НИКОЛАЕВСКИЙ, ДМИТРИЕВСКИЙ и др. , которые, отказавшись от принятых в Синодальной Церкви упрощенных схем, смогли в меру своих возможностей объективно проанализировать многие стороны духовной жизни XVII. века. В современности, наблюдая возрастающий интерес к дониконовским и более древним текстам и обрядам ощущается нужда в их реальной, всесторонней оценке.

С другой стороны, помимо практической стороны, изучение корректурных богослужебных книг нам представляется важным и для теоретической лингвистики, т. к. внимание научной мысли все больше привлекают системы, которые традиционно считались «вторичными» по сравнению с разговорным языком. В самом же деле ситуация гораздо сложнее и, пользуясь определением В. М. Живова, «компартиментализованный» по коммуникативным ситуациям языковой опыт носителя допускает взаимопроникновение этих фрагментов. Следовательно и обладавшая до этого исключительным «естественным» статусом разговорная разновидность (или разновидности) входят в эту модель и испытывают на себе влияние «вторичных» или «искусственных» подсистем. Одной из таких традиционных коммуникативных систем представляется и стандартный церковнославянский язык.

При последующей полемике «архаистов» и «новаторов», хотя понятия «славянского» и «русского» на разных этапах наполняются новым содержанием, см. УСПЕНСКИЙ 1994: 149, все же необходимой константой остаются церковные книги, язык которых отражает нормализацию книжной sprawy второй половины XVII. века.

В корне смены парадигмы языкового мышления стоит с особенной остротой осознанный конфликт между традиционным онтологическим и вновь актуализировавшимся в результате западного влияния конвенциональным восприятием языкового знака. Схожие процессы происходят и в других областях, связанных с церковью. Так старый стиль иконописи, следующий рекомендациям Стоглавого собора писать как Андрей Рублев, сталкивается с новой манерой изображения, пользующейся средствами западной живописи. Особенно интересно провести параллель между изменениями в богослужебном языке и пении, которой противопоставляется в

сознании традиционалистов музыка; с точки же зрения таких приверженцев новых, западных веяний, как Андрей Коренев «всякое пение есть музыка» (цит. по МАРТЫНОВ 1997: 14), т. е. подобно тому, как новаторы допускают западный, мирской стиль в изобразительной сфере богослужения, они также ратуют и за «польское» пение.

С другой стороны, традиционалисты проводят четкую границу между средствами, допустимыми для боговыражения и средствами мирской сферы. Так обстоит дело и с книжной справой при издании никоновских и послениконовских богослужебных книг.

1. История изучения вопроса никоновской и послениконовской справы.

1 и 2 главы посвящены общим вопросам. Никоновская книжная справа сама по себе является интереснейшим явлением, однако история ее специального изучения не столь велика, так как в большинстве работ ее рассматривают лишь как некий придаток к полемическим изложениям о Расколе.

Бесспорно выделяются среди этих работ Керженские и Поморские Ответы.

Вместе с тем ряд исследователей конца XIX и начала XX столетия смогли провести беспристрастный анализ и публикацию материала, связанного с расколом и книжной справой (ср. СУББОТИН 1875–1890, МАНСВЕТОВ 1883, ГОРСКИЙ–НЕВОСТРУЕВ 1855–1917, БЕЛОКУРОВ 1891, ГОЛУБИНСКИЙ 1905, ДМИТРИЕВСКИЙ 1895, КАПТЕРЕВ 1909 и др.)

Говоря о лингвистическом изучении справы, мы должны отметить, что сравнительно поздно, лишь с конца 1960-х годов появляются работы Б. А. Успенского, позже В. Г. Сиромахи, Е. А. Аксеновой, Н. Н. Запольской, О. Б. Страховой, А. Г. Кравецкого, А. В. Вознесенского и других исследователей, посвященные уже собственно языковым аспектам книжной справы XVII века. В этих исследованиях показано, что кроме богословского, литургического, культурологического и т. п., никоновская книжная справа и ее восприятие имели и никак не менее важный, языковой аспект: исправления часто касались не столько текстологии, сколько собственно языковых форм. При этом главная роль при справе отводилась, как декларировано, так и реально, «грамматическому учению».

Ценным, и все еще в недостаточной мере изученным, источником изучения справы являются корректурные, или, как их называли современники, «кавычные» «ковычные» или «приправочные» книги. Они тоже однозначно свидетельствуют о грамматическом подходе редакторов, «справщиков». При этом они следуют Грамматике Смотрицкого, изданной в 1619 г. в Евье и переизданной в Москве в 1648 г.

Насколько нам известно, до сих пор лишь одна диссертация посвящена собственно изучению никоновских и послениконовских кавычных книг – работа В. Г. Сиромахи об изменениях в падежных формах существительных, опубликованная в 1981 г. Добавим две дипломные работы: Е. А. Аксеновой и Е. Н. Казаковой. Как нам кажется, кавычных книгах содержится интереснейший материал.

2. Книжная справа в разные эпохи.

В 3 и 4 главах излагаются основные принципы книжной справки, их изменения в зависимости от общих взглядов Церкви на духовность и частных – на правильность текста. Данный вопрос рассматривается в системе координат онтологического и конвенционального подхода к сакральному языковому знаку, а также духовного универсализма – изоляционизма.

Исследователи, изучая справку второй половины XVII века обычно ставят вопрос о периодизации. При этом следует учесть два важнейших фактора, действующих в противоположных направлениях.

С одной стороны, состав справщиков сравнительно стабилен: на Печатном дворе длительное время работают такие ведущие справщики, как Захарий Афанасьев (1641–1678 г.), Евфимий Чудовский (1652–1690 г.), Иосиф Белый (1657–1689 г.) Это должно было способствовать единству языковых взглядов.

С другой стороны, во время патриаршества патриарха Иоакима (1672–1690) обстоятельства работы справщиков в определенной мере изменились, и это могло отразиться и на самих исправлениях. В частности, усиливается контроль над работой Печатного двора.

Как показали наши наблюдения, на протяжении всего изучаемого периода языковые исправления существенно не меняются, таким образом, дополнительное выделение подпериодов не является необходимым.

3 Кавычные книги

В 5 главе дается классификация кавычных книг на основании первоисточника:

1-я группа: юго-западные книги

2-я группа: московские книги, в том числе

2 а) дониконовские (до 1652 г.)

2 б) никоновские и послениконовские книги

3-я группа: новопереводные книги.

Также в форме таблицы приводятся архивные данные всех известных нам кавычных книг данного периода (на данный момент 41 экземпляр). В их числе впервые выявлены и исследуются кавычные экземпляры для издания следующих московских книг, (в скобках название и архивные данные исправляемой книги):

Апостол 1653 (Апостол Москва 1648 РГАДА БМСТ/Спк №44)

Апостол 1679 (Апостол рукописный РГАДА ф. 381 №188)

Миня, май 1691 (Миня, май Москва 1646 РГАДА БМСТ/Спк №813)

Миня общая с праздничной 1663 (Миня общая с праздничной Москва 1653 РГАДА БМСТ/Спк №463)

6 глава целиком посвящена кавычному Апостолу Апостол 1653 (Апостол Москва 1648 РГАДА БМСТ/Спк №44), который является первой из известных нам московских собственно богослужебных книг при издании которой обращались, судя по записям типа «*греч. киев.* и т. п.» на полях, к юго-западнорусским, а также (впервые очередь) греческим экземплярам. Языковые исправления находятся в полном соответствии с позднейшими экземплярами.

А. В. Карташев считает, что для патриарха Никона правка книг была «попутной случайностью, выводом из его главной идеи» (КАРТАШЕВ 1991: 147). Этот несколько категоричный тезис подтверждает и наш кавычный Апостол, так как его правка началась без Никона, но в нем уже предвосхищаются главнейшие грамматические и текстологические исправления никоновской и послениконовской справы.

В 7 главе дается описание тех кавычных экземпляров, к которым мы наиболее часто обращались при исследовании исправлений (всего 19 книг). Поскольку каждая книга предназначалась для церковной службы и справщики как духовные лица могли воспринимать их исключительно в этом контексте, мы сочли необходимым остановиться и на месте каждой книги в богослужении. Указываются, где это возможно, использованные источники по маргиналиям, а также, следуя наблюдениям В. Г. Сиромахи по почерку, личность справщиков.

4. Языковые исправления

8 глава посвящена разбору конкретных типов исправлений на разных языковых уровнях.

8.1 В разделе об орфографии из рассмотренных явлений отметим общие принципы которым следуют справщики в своих исправлениях.

Базовый:

1. По началу / середине / концу слова и сочетаемости с другими буквами.

Дополнительные:

2. По дифференциации грамматической омонимии.

3. По дифференциации лексической омонимии.

4. По отражению орфографии языка-источника / греческого (в случае заимствований).

5. По отражению морфологического состава и этимологического разбора.

Отдельно остановимся на единственном явлении, по которому все же можно противопоставить никоновскую и иоакимовскую справу: на начальном этапе справы характерны исправления орфограмм типа жѣ → жу, ср.: нѣшѣ → нѣшю ТцРукк1660 (л. 38) т. е. нормативным является сочетание типа жу, а на более поздней стадии вводятся вместо них такие написания жу → жѣ ср.: чашю → чашѣ АпРукк1679 (лл. 228 об., 234 об., 235).

Исследованные нами кавычные экземпляры однозначно свидетельствуют о стремлении московских книжников к строгой нормализации орфографии. Ее самой характерной особенностью является орфографическая дифференциация омонимов. При этом в большинстве случаев они избавлялись от избыточного, т. е. не связанного со снятием грамматической или лексической омонимии употреблением осложненных написаний. Часть этих процессов находится в русле дониконовской, иосифовской справы, однако отмечено несколько таких новшеств, которые вызвали критику и отпор заботящихся о чистоте языка и веры приверженцев прежней традиции.

Орфографические дублиеты вписываются в общее стремление к снятию омонимии и дифференциации синонимов, которое может осуществляться и другими, в частности морфологическими средствами, ср.: введение форманта *-овъ* в Р. мн., закрепление за бывшей формой В.=Р. ед. ж. р. *ея* значение только Р. ед. и др.

Морфологические исправления излагаются по частям речи.

Существительным уделено сравнительно мало внимания, так как им посвящена диссертация В. Г. Сиромахи.

Из явлений прилагательных отметим

Расширение употребления буквы *й* в членных формах прилагательных.

Замену суффикса *-j-* на суффикс *-ov-* при образовании притяжательных прилагательных.

Расширение употребления членных форм. В связи с этим заметим, что в современном церковнославянском языке тоже есть нечленные формы в атрибутивной функции.

Так, в современной редакции Символа веры в значительном количестве употребляются нечленные формы. Ср.: «Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша». Однако их употребление почти полностью обусловлено конкретным текстом.

Местоимения исправляются согласно стремлению дифференциации омонимов:

ср.: орфографическая дифференциация омонимов */-ogo/*: Р. п. ед. ч. м.-ср. р.: *огω* →←В.

п. . ед. ч. м.-ср. р.: *ого*

Дифференциация В и Р пп. Для устранения омонимии местоимений

используются, кроме орфографических, и чисто морфологические средства, тип: *мѧ*

→←*менѣ ны* →←*наиз*. Соответственно справщики устраняют формы В. п.,

возникшие под влиянием тенденций обиходного языка к формальному синкретизму местоимений В=Р п. и вводят более архаичные, немотивированные формы.

Самое известное изменение в области глагола: Замена простых претеритов в 2 л. ед. ч. на перфект. Имперфект, аорист (простые претериты) заменяются на «перфект» типа *-л ѿи* в 2 л. ед. ч. ср. исправления типа: *нѣ дастъ* →*нѣ далъ еси* л. 12

(ОБ1581к1663)

Отметим еще явление орфографии: написания форм мн. ч. аориста и имперфекта: Стремление к дифференциации форм единственного и множественного числа могло реализоваться в аористе и имперфекте. (Тип *-χωμz-ωшл*). Однако.

поскольку омонимии в этой позиции нет, употребление буквы *ω* здесь избыточно.

Следовательно, для /o/ вводится основная буква – о.

предрекохωмz → *предрекохомz* АпМ71к79 (л. 256)

В целях ликвидации омонимии, где актуально, вводится конечное ударение в форме изъявительного наклонения II спряжения на флексии, (тип исправления: *бднѣ* → *бднѣ̀*).

В области синтаксиса отмечены такие явления как

Замена дательного падежа родительным.

Добавление союза *и*. Это явление объясняется влиянием греческого текста, в котором, в отличие от традиционного славянского текста в подобных местах употребляется союз «и». В ряде случаев контекст является догматически важным, следовательно добавление «и» придает тексту еретический смысл.

Опущение *иже* в причастных конструкциях.

Объект при отрицании. По нашим наблюдениям после глагольного отрицания сравщики стремились ставить прямое дополнение в форму родительного падежа, предпочитая его винительному падежу.

Ограничение употребления Д. п. самостоятельного.

В 9 главе приводятся отдельные высказывания представителей противоборствующих сторон (традиционалистов и сторонников реформ), а также делается попытка более широкого осмысления языковых тенденции в контексте других явлений духовной культуры, в данном случае через сравнение с богослужебным пением.

5. Итоги, перспективы

Во второй половине XVII столетия культура Московской Руси переживает величайшие потрясения. На фоне всеобщей секуляризации сакральный знак (языковой, визуальный, певческий) начинает терять свой особый статус, и на смену неконвенциональному, онтологическому приходит конвенциональное отношение к знаку. Раскол является как бы логическим последствием этих изменений

В нашей работе мы постарались выявить все доступные на данный момент кавычные книги – важнейшие свидетельства редактирования богослужебных книг

второй половины XVII века и исправлениям в них дать лингвистическую интерпретацию.

Результаты нашего исследования могут послужить материалом для создания истории церковнославянского языка, а также истории каждой отдельно взятой богослужбной книги. На наш взгляд это последнее является насущной потребностью возрождающейся Русской Православной Церкви.

Публикации по теме диссертации

Московский кавычный Апостол 1653 г. :Из истории исправления богослужебных книг в Московской Руси 17 века *Studia Russica XVIII*. // 345–353. Будапешт, 2000.

Восприятие богослужебного пения и языка в Московской Руси XVII века *Studia Russica XIX* // 53–59, Будапешт, 2001.

Az 1657-es moszkvai Irmologion korrektúrapéldányai. *Miscellanea Corviniana* // 148–150, Будапешт, 2003. www.btk.elte.hu/eastslav/a24.rtf

Литургический церковнославянский язык в северо-восточной Венгрии. (Рецензия на книгу Лайоша Сёке: *A liturgikus egyházi szláv nyelv Északkelet-Magyarországon*. Eger, 2002.) *Studia Slavica Hung.* 50/3–4 Budapest, 2005.

К изучению никоновской и послениконовской книжной справы. Корректирные экземпляры московских богослужебных книг – обзор; вопросы нормализации церковнославянской орфографии XVII в. *Studia Russica XXII* // 29–54 Budapest, 2006.

Церковнославянский язык второй половины XVII века, архаические черты современного русского литературного языка и вопросы преподавания русского языка. Российский Культурный Центр. Ин-т им. А. С. Пушкина. Вестник. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. № 21 // 111–115 Будапешт 2007.

Морфологическая нормализация церковнославянского языка русского извода в XVII в. *Studia Russica XXIII*. (в печати).

К изучению морфологических и синтаксических особенностей церковнославянского языка русского извода в XVII в. *Studia Slavica Hung.* (в печати).